

Крюкова О.С.^{*1}, Раренко М.Б.^{*2}

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПУШКИНА:
ПО РОМАНУ А. БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
И ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»[©]**

Аннотация. Роман А. Битова «Пушкинский дом» и повесть С. Довлатова «Заповедник», написанные приблизительно в один и тот же период, при всей их непохожести, поднимают актуальную в современных условиях проблему мемориализации выдающейся личности, увековечивания ее роли и значимости в истории и культуре на примере жизни и творчества А.С. Пушкина, 225-летие со дня рождения которого отмечалось в 2024 г.

Авторы статьи, проанализировав тексты двух произведений, приходят к выводу о том, что зачастую способы и методы, используемые

^{*1} **Крюкова Ольга Сергеевна** – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия; florin2002@yandex.ru

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts at the Faculty of Fine and Performing Arts of the Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia; florin2002@yandex.ru

^{*2} **Раренко Мария Борисовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия; rarenco@rambler.ru

Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Researcher for the Department of Linguistics at the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia; rarenco@rambler.ru

© Крюкова О.С., 2025

исследователями творчества выдающейся личности, а также заключения о ее роли в истории и культуре оказываются противоположными ожидаемым. В этом авторы видят недостаток и ограничения существующих методик по сохранению национального наследия и музеефикации в целом.

Ключевые слова: творчество А.С. Пушкина; 225-летие со дня рождения А.С. Пушкина; творчество А. Битова; творчество С. Довлатова; «Пушкинский дом»; «Заповедник»; постмодернистский роман; литературная традиция; мемориализация; музеефикация.

Поступила: 05.08.2024

Принята к печати: 03.10.2024

Для цитирования: Крюкова О.С., Раренко М.Б. Мемориализация Пушкина: по роману А. Битова «Пушкинский дом» и повести С. Довлатова «Заповедник» // Вестник культурологии. – 2025. – № 1(112). – С. 141–152. – DOI: 10.31249/hoc/2025.01.09

Kryukova O.S., Rarenko M.B.

**Memorialization of A.S. Pushkin: Based on the Novel by A. Bitov
“Pushkin's House” and the Story by S. Dovlatov “The Reserve”**

Abstract. A. Bitov's novel “Pushkin's House” and S. Dovlatov's story “The Reserve”, written approximately in the same period of time, despite their dissimilarities, raise the urgent problem of memorializing of an outstanding personality in modern conditions, perpetuating its role and significance in history and culture on the example of the life and work of A.S. Pushkin, the 225th anniversary of the whose birthday is celebrated in 2024.

The authors of the article, having analyzed the texts of two works, have come to the conclusion that the methods used by the researchers of the work of an outstanding personality, as well as the conclusions about its role in history and culture, often turn out to be the opposite of what is expected. The authors see this as a disadvantage and limitations of the existing methods for the preservation of national heritage and museumification in general.

Keywords: the work of A.S. Pushkin; the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin; the work of A. Bitov; the work of S. Dovlatov; “Pushkin House”; “The Reserve”; postmodern novel; literary tradition; memorialization; museification.

Received: 05.08.2024

Accepted: 03.10.2024

For quoting: Kryukova O.S., Rarenko M.B. Memorialization of A.S. Pushkin: Based on the Novel by A. Bitov "Pushkin's House" and the Story by S. Dovlatov "The Reserve" // Herald of Culturology. – 2025. – No.1(112). – P. 141–152. DOI: 10.31249/hoc/2025.01.09

Введение

Отмечаемое в 2024 г. 225-летие со дня рождения А.С. Пушкина послужило поводом для написания данной статьи. Тема мемориализации поэта неоднократно поднималась представителями разных гуманитарных направлений. Известная фраза А.А. Григорьева «Пушкин – наше все», высказанная им в 1859 г. в сочинении «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», определила вектор исследований пушкинистов на многие годы вперед.

Анализируемые в статье два произведения были созданы приблизительно в один и тот же период. Роман А. Битова «Пушкинский дом», написанный в 1964–1971 гг., был опубликован в 1987 г. Первый вариант повести «Заповедник» был написан С. Довлатовым в Ленинграде в 1977–1978 гг., завершен в 1983 г. в Нью-Йорке и в этом же году был опубликован в издательстве «Эрмитаж» в Анн-Арборе, штат Мичиган (США). При всем различии и непохожести этих произведений, они ставят проблему мемориализации А.С. Пушкина одной из своих задач.

В центре сюжета повести «Заповедник» – ленинградский интеллигент Борис(Боб) Алиханов, устраивающийся на летнюю работу экскурсоводом в музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» в Пушкиногорском районе Псковской области. Определенные моменты в биографии Сергея Довлатова, а именно то, что он сам работал в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» в 1976–1977 гг., позволяет предположить, что, как и в большинстве произведений писателя, прототипом главного персонажа является сам автор, назван-

ный вымышленной фамилией¹. По мере развития сюжета повести герой проходит путь от внутренней эмиграции к признанию необходимости внешней, что также имеет соответствия в биографии автора.

Главный герой романа А. Битова, ленинградский филолог-русист Лёва Одоевцев, – типичный представитель поколения шестидесятников. В романе рассказывается о его жизни, от окончания школы до работы в Институте русской литературы Российской академии наук, известном как Пушкинский Дом, название которого и вынесено в заглавие произведения.

Анализ творчества С. Довлатова в контексте творчества А. Битова сравнительно недавно был проведен рядом исследователей [Богданова, 2002, с. 61–71], однако в настоящее время нет работ, посвященных сопоставительному анализу романа А. Битова «Пушкинский дом» и повести С. Довлатова «Заповедник». Нами выбран аспект, который позволяет провести это сопоставление: зеркало музеефикации выявляет в ряде случаев и абсурдность теоретических построений официальной советской пушкинистики, и очевидные недостатки музейной концепции.

Смысл заглавий

Пушкинская тема в романе А. Битова заявлена уже в самом заглавии. Вынесенная в название романа известная в Ленинграде (Санкт-Петербурге) локация² должна настраивать читателя на определенный

¹ В качестве другого вероятного прототипа исследователи называют поэта Иосифа Бродского, безуспешно пытавшегося в свое время устроиться в «Михайловское» библиотекарем.

² Институт русской литературы (ИРЛИ) Российской академии наук (РАН) Пушкинский Дом представляет собой научное учреждение, подведомственное Министерству науки и высшего образования Российской Федерации и Российской академии наук. ИРЛИ был создан 15 декабря 1905 г. по инициативе ряда деятелей русской культуры, в 1995 г. ИРЛИ РАН указом президента РФ включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Своим названием Пушкинский Дом ИРЛИ РАН обязан мероприятиям по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина и юбилейной выставки, на которую было собрано от частных лиц и различных учреждений 703 экспоната, состоявшимся в 1899 г. В то же самое время по инициативе президента Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича была учреждена Комиссия для обсуждения вопроса о памятнике поэту. Тогда же было принято решение учредить «Дом имени Пушкина, особый литературный пантеон, где бы собирались и хранились реликвии

культурный код, чему способствует эпиграф – известные строки Александра Блока о Пушкинском Доме. Однако заявленный в названии культурный код, напротив, на протяжении всего романа последовательно и планомерно разрушается. Читатель постоянно балансирует между тем, что ему диктует название романа, и его содержанием, чему повествователь активно содействует, всячески читателя поддерживая, – то в том, что центр внимания вот-вот переместится и сфокусируется на теме, вынесенной в название, то увлекая читателя в новый рассказ о семье Одоевцевых, никак не связанный ни с великим поэтом, ни с научным учреждением. При этом через весь роман проходит идея о принадлежности Одоевцевых к миру науки и Пушкинскому Дому и Пушкину в частности. Так, в первом разделе романа, примерно через 100 страниц после его начала, дается характеристика научному учреждению, вынесенному в заглавие произведения: «...бывший дворец, а ныне НИИ, научный центр мирового значения. Там бережно хранятся, исследуются и т.д. рукописи и даже некоторые личные вещи, принадлежавшие давно почившим, от имен которых не может не забиться всякое русское сердце» [Битов, 1989, с. 103]. Как убедительно показывает О.В. Богданова [Богданова, 2002], название научного учреждения, в здании которого Пушкин никогда не жил, но где в том числе изучают и Пушкина и где обучался в аспирантуре и работал главный герой постмодернистского романа А. Битова Лёва Одоевцев, – это первый слой смысла названия битовского романа, в интерпретации автора, второй слой – это Ленинград (Петербург), еще один слой – Россия и, наконец, еще один – русская литература в целом. На наш взгляд, именно русская литература как контекстуальный синоним Пушкинского Дома более точно передает смысл заглавия.

В повести Сергея Довлатова «Заповедник» пушкинская тема в заглавие не вынесена, несмотря на то что в ней тема мемориализации Пушкина и пушкинского наследия представлена не менее ярко. В повести «Заповедник» (а заповедник, как следует из этимологии слова, тоже одно из средств сохранения памяти и наследия) мемориализация

русских писателей XIX в.». Учреждение состоялось 15 декабря 1905 г., этот день считается днем рождения Пушкинского Дома. Сегодня в структуру ИРЛИ РАН входят научно-исследовательские отделы, центры, группы и лаборатории, а также Литературный музей, Рукописный отдел и Фонограммархив (хранилище звуковых фольклорных записей народов мира). (По данным открытых источников. – О. К., М. Р.)

Пушкина рассматривается в ироническом модусе, в оптике восприятия главного героя, не слишком успешного литератора-«изгнанника», который временно устраивается на работу в Пушкинский заповедник и судьба которого ненавязчиво, но последовательно тем не менее сопоставляется с судьбой другого изгнанника – Пушкина. Название места поясняет, что ничего живого и естественного в нем нет. В противопоставлении «изгнанников» также считается иронический намек.

Псевдомемориализация: абсурд и парадоксы

Главного героя повести С. Довлатова «Заповедник» после трудоустройства в Пушкинские Горы удивляет искусственно культивируемая любовь к Пушкину среди сотрудников: «Все служители пушкинского культа были на удивление ревнивы. Пушкин был их коллективной собственностью, их обожаемым возлюбленным, их нежно лелеемым детищем. Всякое посягательство на их личную святыню их раздражало [Довлатов, 2019, с. 227]. Не менее раздражают сотрудников заповедника и вопросы о подлинности экспонатов, хотя так называемые предметы эпохи присутствуют в большинстве экспозиций литературных музеев. Мотив подмены, всеобщей «липы» проходит через всю повесть, превращая действие в сцены театра абсурда. В процессе псевдомемориализации мотив подмены обретает пугающую материальность: так, оказывается, что вместо портрета Ганнибала посетители долгое время созерцали портрет генерала Закомельского: «Да какая разница – Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фига им Закомельский?! Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала» [Довлатов, 2019, с. 207].

Ситуация *qui pro quo* (один вместо другого, *лат.*) подстерегает героя повести и в обстоятельствах, казалось бы, бытового плана, усиливая мотив подмены, недостоверности:

Тут все живет и дышит Пушкиным, – сказала Галя, – буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль...

Между тем из-за поворота вышел Лёня Гурьянов, бывший университетский студент.

– Борька, хрен моржовый, – дико заорал он, – ты ли это?! [Довлатов, 2019, с. 208]

Вместе с тем конкретная ситуация абсурда подчеркивает общую абсурдность бытия, в которой вынужден существовать главный герой. Онтологической абсурдности, воссозданной в повести «Заповедник», созвучны и языковые приемы иронии, которые проявляются многообразно: в оксюморонных характеристиках человека, употреблении прецедентных имен, «декодировании» эвфемизма [см. подробнее: Крюкова, 2021].

Абсурдна и всеобщая любовь к Пушкину, которая является следствием его принудительной мемориализации. Присутствие Пушкина в Заповеднике окрашено в гиперболические тона: «На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью “Огнеопасно!”. Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» [Довлатов, 2019, с. 215]. Говоря современным языком, Пушкин в Заповеднике подвергся брендированию. Следует отметить, что в повести Довлатова ничего не говорится о сувенирах с изображением Пушкина, это, по-видимому, уже нововведение XXI в., когда на сувенирах из Михайловского изображен не только Пушкин с няней, но и сам Довлатов.

Герой повести «Заповедник» не может дать идеологически правильного ответа, за что он любит Пушкина, но, готовясь к экскурсиям, он открывает для себя новые грани творчества поэта, не придерживаясь официальных формулировок: «В местной библиотеке я нашел десяток редких книг о Пушкине. Кроме того, перечитал его беллетристику и статьи. Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику, и жертве. Не монархист, не заговорщик, не христианин – он был только поэтом, гением и сочувствовал движению жизни в целом.

Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе... Впрочем, я не литературовед» [Довлатов, 2019, с. 248]. Вспоминается очерк Марины Цветаевой «Мой Пушкин» и ее знаменитая фраза «Был Пушкин поэтом», от которой, по-видимому, и отталкивается главный герой повести Довлатова.

Итак, в повести «Заповедник» есть ирония, анекдотические ситуации, которыми, по мнению Е.Я. Курганова, определяется художе-

ственный мир Довлатова в целом [Курганов, 2020, с. 20–21], есть также оценка творчества Пушкина главным героем, есть сцены бытового пьянства и запоев. Нет только кощунства, которое в изобилии присутствует в романе «Пушкинский дом», если рассматривать происшествие, положенное в основу сюжета, с бытовой точки зрения.

Незримо присутствующий в романе «Пушкинский дом» ИРЛИ РАН, располагающийся в Санкт-Петербурге по адресу набережная Макарова, д. 4, «физически» возникает на страницах романа в тот момент, когда вышедший на защиту кандидатской диссертации Лёва Одоевцев вынужден согласиться на дежурство в стенах института «в период государственных праздников в ноябре 196.. г.» (цит. по: [Битов, 1989]). К несущему дежурство Лёве, чтобы скрасить его «прозябание», присоединяется сначала приятель со случайными спутницами, а затем наведывается бывший сотрудник института. Результаты посиделок оказались плачевны: разбитая посмертная маска Пушкина, дуэль, разыгрываемая на пушкинских пистолетах, вакханалия в храме науки, разбитые стекла, перевернутая и поломанная мебель, общий беспорядок.

Перечисленные выше значимые подробности с точки зрения советского правосудия усугубляются праздничной датой, на которую пришлось Лёвино дежурство в Пушкинском Доме. Сам Битов писал о источнике подобного сюжета так: «Началось-то всё с анекдота. Профессор Б., с которым нам десять лет назад оказалось по дороге домой, рассказал мне, какой в его учреждении произошел недавно небольшой скандал, а именно: два молодых сотрудника, оставленные на праздник дежурить в приданном учреждению музее, перепились и устроили в этом музее дебош и драку с порчей стекол и экспонатов, но на следующий день (все еще длились праздники), очнувшись, занялись рекордной приборкой и реставрацией и успели привести все в полный порядок к первому присутственному дню, да так, что никто ничего и не заметил...» (цит. по: [Богданова, 2002, с. 15]).

В пространстве романа «Пушкинский дом» анекдотическое происшествие оборачивается демонстрацией симулякров, замещающих реальность. У судьбы Лёвы есть несколько вариантов, утрата маски Пушкина тоже не страшна, найдутся другие, Лёвины усилия по маскировке драки («реставрация» испорченной мебели при помощи клея Б6) в итоге окажутся оправданными – никто из сотрудников даже ни-

чего не заподозрит. В итоге классическая культура, которую так старательно стремятся в Пушкинском Доме сохранить на официальном уровне (отчасти посредством назначения дежурных в здании института в праздничные дни как символ признания его значимым объектом), в реальности подменяется ее жалким подобием, поэтому исчезновение артефактов, даже связанных с Пушкиным, совершенно ничего не значит. Мотив «никто ничего не заметил» сродни «никому ничего не надо / неинтересно».

Мотив подмены, недостоверности, «всеобщей липы» сближает повесть «Заповедник» с романом «Пушкинский дом» и другими произведениями А. Битова в аспекте музеефикации Пушкина. «Важным аспектом культа Пушкина Битов считает “амнезию”, приписываемую пушкинистам. Почти все подробности жизни Пушкина, известные этим священнослужителям, вопиюще недостоверны», – подчеркивает И.А. Толмашов [Толмашов, 2009, с. 17].

Однако в романе «Пушкинский дом» тема Пушкина не ограничивается только скандальным происшествием. В части «Версия и вариант» судьбы Лёвиного деда («Раздел первый. ОТЦЫ И ДЕТИ») появляется слесарь Пушкин, при этом, предвосхищая возникающие у читателей вопросы, повествователь в постраничном примечании подчеркивает, что в этом совпадении нет ничего анекдотического. В то же самое время это принципиальное литературное совпадение, особый литературный прием, который используют многие писатели начиная с Ф.М. Достоевского и заканчивая современными авторами. В романе также упоминается, что сам Лёва Одоевцев, будучи еще в школе и прочитав «всего» Пушкина (кавычки являются в данном случае средством авторской иронии), выступает с приуроченным к очередному пушкинскому юбилею докладом о творчестве великого поэта. Наконец, аспирантская статья Лёвы посвящена сравнению трех стихотворений, в числе которых пушкинский «Пророк». Лёвины литературоведческие опусы создавали ему определенный имидж подающего надежды молодого ученого: «И Лёвина роль в освоении дедовского наследия, и статья “Три пророка”, которую все читали, и статья “Опоздавшие гении”, которую никто не читал, и статья “Середина контраста” (“О Медном всаднике”), главы из которой кто-то читал, и кое-какие высказанные вслух замыслы, намерения и суждения сыграли значительную роль в создании репутации. У Лёвы она была» [Би-

тов, 1989, с. 105]. Пушкинский контекст обнаруживается не только в научных интересах Лёвы, который выбрал для своей научной работы удобный для себя и относительно безопасный XIX век, но и в травестированных названиях глав («Утро разоблачения, или Медные люди», «Бедный всадник»). А глава «Выстрел» напоминает читателю об одноименной пушкинской повести из цикла «Повести Белкина».

Лёвина «родословная, перифразы классических мотивов... эпиграфы... цитатные названия глав, раскавыченные цитаты и словесные формулы... – все это легко узнаваемо и открыто сопоставляет текст романа с пратекстом русской классики», – подчеркивает И.М. Степанова [Степанова, 2005, с. 78].

Роман намеренно литературен, что проявляется и в характере занятий героев-литературоведов, и в различных аллюзиях, реминисценциях, литературных цитатах, и в авторской стратегии в целом: «Битов строит свой роман как систему попыток подражания классическому русскому роману», как справедливо замечают Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий [Лейдерман, Липовецкий, 2010, с. 385], и этой же точки зрения весьма справедливо придерживаются и другие современные исследователи [Турбина, 2005; Беляк, 2017].

Заключение

Музеефикация и, шире, мемориализация Пушкина играют разную сюжетную роль в рассмотренных произведениях. В повести Довлатова увековечивание памяти оборачивается псевдомемориализацией, у Битова новый роман возникает на руинах старого классического «романа-музея» [Лейдерман, Липовецкий, 2010, с. 386]. Из общих моментов следует отметить анекдотичность ситуации в целом, близость времени действия произведений, жанр которых можно обозначить как филологический роман. Главные герои имеют также сниженных двойников, которыми можно считать шута-алкоголика Маркова из «Заповедника» и Митишатъева из «Пушкинского дома».

Следует также отметить переключку пушкинских мотивов в анализируемых произведениях с пушкинскими мотивами в романе «Мастер и Маргарита»: о низведении пушкинского мифа до уровня бытового анекдота одним из первых заговорил М.А. Булгаков.

«На фоне Пушкина» у героев Довлатова и Битова происходят личные драмы, предательство, творческие поиски (в литературном или в чисто научном плане). Ирония над псевдомемориализацией не заслоняет от читателя и повести, и романа преклонения перед личностью великого поэта. Пушкин и его судьба – это мера таланта, мера человечности как для отдельной личности, так и для коллектива, народа.

Список литературы

Беляк Г.Н. «Пушкинский дом» Андрея Битова: автор жив, или хозяин дома // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 65–72.

Битов А.Г. Пушкинский дом: Роман. – Москва : Современник, 1989. – 399 с.

Богданова О.В. Роман А. Битова «Пушкинский дом»: («Версия и вариант» постомодерна). – Санкт-Петербург : Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – 96 с.

Довлатов С.Д. Заповедник // Довлатов С.Д. Собр. соч.: в 4 т. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – Т. 2. – С. 196–324.

Крюкова О.С. Языковые средства воплощения иронического модуса в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контекст: коллективная монография под редакцией Эльжбеты Тышковской-Каспшак, Илоны Мотеюнайте и Альфии Смирновой при участии Марии Гей. – Вроцлав – Краков : Wydawnictwo “scriptum” Tomasz Secunda, 2021. – С. 353–361.

Курганов Е.Я. Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей. – Москва : АСТ, 2020. – 256 с.

Лейдерман Н.Л., Литовецкий М.Н. Русская литература XX века (1950–1990-е годы): в 2 т. – Москва : Издательский центр «Академия», 2010. – Т. 2. – 688 с.

Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник ТГПУ. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ФИЛОЛОГИЯ). 2005. – Выпуск 6 (50). – С. 75–82.

Толмашов И.А. А.С. Пушкин в творческом сознании А.Г. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск : Томский гос. ун-тет., 2009. – 23 с.

Турбина Л.Н. Модернистские и постмодернистские тенденции в «Пушкинском доме» Андрея Битова // The tireless seeker. Сборник посвящен 30-летней годовщине преподавательской и научно-исследовательской работе доц. д-ра Ивайло Петрова. – Болгария, Шумен, 2005. – С. 265–270.

References

Beljak, G.N. «Pushkinskij Dom» Andreja Bitova: avtor zhiv, ili hozjain doma [“Pushkin's House” by Andrey Bitov: the author is alive, or the owner of the house]. In *Mir russkogo slova*, no. 3, 2017. pp. 65–72. (In Russ.)

Bitov, A.G. Pushkinskij Dom: Roman [Pushkin House: A Novel]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 399 p. (In Russ.)

Bogdanova, O.V. Roman A. Bitova "Pushkinskij Dom": ("Versija i variant" postmoderna) [Bitov's novel "Pushkin House": ("Version and variant" of postmodern)]. Saint Petersburg, Filol. f-t S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 2002. 96 p. (In Russ.)

Dovlatov, S.D. Zapovednik [The Reserve]. In Dovlatov S.D. *Sobr soch.: v 4 t. T. 2.* Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019, pp. 196–324. (In Russ.)

Krjukova, O.S. Jazykovye sredstva voploshhenija ironicheskogo modusa v povesti Sergeja Dovlatova "Zapovednik" [Languagemeans of embodying the ironic mode in Sergei Dovlatov's novella "The Reserve"]. In *Drugie berega russkoj literatury i kul'tury: idei, poetika, kontekst / Kollektivnaja monografija* pod redakciej Jel'zhbety Tyshkovskoj-Kaspshak, Ilony Motejunajte i Al'fii Smirnoj pri uchastii Marii Gej [Other Shores of Russian Literature and Culture: Ideas, Poetics, Context / Collective monograph edited by Elzbieta Tyshkovskaya-Kaspshak, Ilona Motejunaite and Alfiya Smirnova with the participation of Maria Gay]. Vroclav-Krakov. Wydawnictwo "scriptum" Tomasz Secunda Publ., 2021, pp. 353–361. (In Russ.)

Kurganov, E.Ja. Nelepoe v russkoj literature: istoricheskij anekdot v tekstah pisatelej [The ridiculous in Russian literature: a historical anecdote in the texts of writers]. Moscow, Izdatel'stvo AST Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)

Lejderman, N.L., Lipoveckij, M.N. Russkaja literatura XX veka (1950–1990-e gody): v 2 t. [Russian literature of the twentieth century (1950–1990s): in 2 vol.]. V. 2. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija» Publ., 2010. 688 p. (In Russ.)

Stepanova, I.M. Filologicheskij roman kak «promezhutochnaja slovesnost'» v russkoj proze konca XX veka [The Philological Novel as an "intermediate literature" in Russian prose of the late twentieth century]. In *Vestnik TGPU. Serija: GUMANITARNE NAUKI (FILOLOGIJA)*, Issue 6 (50), 2005, pp. 75–82. (In Russ.)

Tolmashov, I.A. A.S. Pushkin v tvorcheskom soznanii A.G. Bitova: avtoref. dis. ... kandid. filol. nauk [A.S. Pushkin in the creative consciousness of A.G. Bitov: abstract of the dissertation.... candidate. Philology]. Tomsk, Tomskij gos. un-tet., 2009. 23 p. (In Russ.)

Turbina, L.N. Modernistskie i postmodernistskie tendencii v "Pushkinskom Dome" Andreja Bitova [Modernist and Postmodern trends in Andrei Bitov's Pushkin House]. In *The tireless seeker. Sbornik posvjashhen 30-letnej godovshhine prepodavatel'skoj i nauchno-issledovatel'skoj rabote doc. d-ra Ivajlo Petrova* [The tireless seeker. The collection is dedicated to the 30th anniversary of the teaching and research work of Associate Professor Dr. Ivaylo Petrov]. Bolgarija, Shumen Publ., 2005, pp. 265–270. (In Russ.)